

Венская конвенция о праве международных договоров

Карл Земанек

Почетный профессор, Венский университет

*Заместитель главы делегации Австрии на Конференции Организации
Объединенных Наций по праву договоров*

Исторический контекст

К середине XX века обычное международное право договоров трансформировалось в довольно объемный комплекс норм. С учетом этого Комиссия международного права включила его на своей первой сессии в 1949 году в число тем, подходящих для кодификации, и назначила Джеймса Брайерли Специальным докладчиком. Он вышел в отставку в 1952 году, и два его преемника, сэр Херш Лаутерпахт и сэр Джеральд Фицморис, каждый из которых приступал к работе с самого начала, причем второй использовал иной подход, были избраны в состав Международного Суда, прежде чем они могли завершить свою работу. Последний Специальный докладчик, сэр Хэмфри Уолдок, назначенный в 1961 году, в своей работе снова начал ориентироваться на подготовку проектов статей, которые могли бы послужить основой для международной конвенции. Его шесть докладов позволили Комиссии в 1966 году представить окончательный проект Генеральной Ассамблее и рекомендовать, чтобы Ассамблея созвала международную конференцию для заключения конвенции по этой теме. В своей резолюции 2166 (XXI) от 5 декабря 1966 года Генеральная Ассамблея одобрила эту рекомендацию в принципе и в следующем году решила созвать в Вене первую сессию Конференции в 1968 году, а вторую — в 1969 году.

Значимые события в истории переговоров

Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров была последней значимой кодификационной конференцией, на которой успешно использовалось голосование в качестве рабочего метода и которая смогла принять проект статей значительным большинством голосов. Окончательный текст Конвенции был одобрен 79 голосами против 1 при 19 воздержавшихся. Этому способствовали два следующих обстоятельства. С одной стороны, обычное право, регулирующее более техническую сторону процесса заключения договоров, за исключением незначительных деталей, практически не вызывало никаких споров. Что касается потенциально более спорной главы, касавшейся прекращения действия договора, с другой стороны, то многие государства заняли сдержанную позицию, колеблясь, с учетом неизвестных будущих событий, между желанием уклониться от принятия договорного обязательства и желанием обеспечить его соблюдение.

Резюме ключевых положений

Статья 1 ограничивает сферу применения Конвенции (составленными в письменной форме) договорами между государствами, исключая договоры, заключенные международными организациями. В других отношениях первые четыре части Конвенции кодифицируют существовавшее ранее обычное право с незначительными изменениями, учитывающими прогрессивное развитие.

Показательным примером последнего являются оговорки. Конвенция следует консультативному заключению Международного Суда в деле об оговорках к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него (*Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (I.C.J. Reports 1951, p. 15)*) и запрещает оговорки, несовместимые с объектом и целями договора, к которому они относятся (статья 19(c)). Однако это положение не разъясняет статуса оговорки, которая нарушает этот запрет, что дает основания для вступающих в противоречие друг с другом толкований воздействия возражений против таких оговорок. Смежная проблема связана с определением оговорки (статья 2, пункт 1(d)), которое, как представляется, подразумевает, что оговорки должны указывать положения или положение, к которым они относятся («... исключить или изменить юридическое действие *определенных* положений» (курсив добавлен)), и которое порождает сомнения относительно допустимости так называемых «всеобъемлющих оговорок» (т.е. оговорок, которые ставят осуществление договорных обязательств в зависимость от их согласуемости с внутригосударственным или определенным религиозным законодательством), не давая исчерпывающего ответа. Оба эти вызывающие споры вопроса в настоящее время изучаются Комиссией международного права в рамках темы «Оговорки к международным договорам».

Другим результатом прогрессивного развития стала норма о толковании в статье 31, которая устанавливает, в частности, объект и цель договора и контекст последнего в качестве ориентиров при толковании. Ими являются телеологические элементы, которые препятствуют узкому буквальному толкованию текстов договоров. Следует отметить, что Международный Суд в решении по делу об арбитражном решении от 31 июля 1989 года заявил, что «... статьи 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров ... могут во многих отношениях рассматриваться как результат кодификации существующего обычного международного права ...» (*I.C.J. Reports 1991, pp. 69–70, para. 48*). Вместе с тем не совсем ясно, считал ли Суд, что этот обычай существовал до Венской конвенции и был кодифицирован ею или что он был создан ею и был к тому времени «существующим».

В части V Конвенции речь идет о недействительности, прекращении и приостановлении действия договоров. Это ключевая часть Конвенции. Соответствующие обычные нормы сформировались благодаря отдельным случаям в практике государств или не связанным между собой решениям арбитражных или судебных органов. Именно Комиссия международного права систематизировала этот разрозненный материал.

Основания недействительности договоров или прекращения их действия базируются либо на общих принципах права (ошибка, мошенничество), либо на адаптации их к ситуациям, встречающимся в международном праве, таким,

как подкуп представителя (статья 50) или принуждение представителя (статья 51) или государства посредством угрозы силой или ее применения (статья 52). Наиболее далеко идущим развитием права стало введение концепции *jus cogens* в позитивное международное право в статьях 53 и 64. Она приобрела актуальный характер вне рамок права международных договоров в качестве одного из основных элементов при толковании современного международного права.

Процедура установления одного из оснований недействительности или прекращения обрела признание на практике вне рамок Конвенции, поскольку эта часть обычного права в наибольшей степени характеризовалась отсутствием точности. Международный Суд в решении по делу о *проекте Габчиково-Надьмарош* в этой связи заявил следующее: «... статьи 65–67 Венской конвенции о праве международных договоров, если не кодифицируют обычное право, то по меньшей мере отражают обычное международное право и содержат некоторые процессуальные принципы, которые основываются на обязательстве действовать добросовестно» (*I.C.J. Reports 1997*, р. 66, пара. 109).

Статья 66, предусматривающая судебное разбирательство, арбитраж и примирение в случае споров, вытекающих из применения норм в части V Конвенции, устанавливает в подпункте (а) обязательную юрисдикцию Международного Суда в спорах, сопряженных с *jus cogens*, если только стороны не договорятся передать его на арбитраж. Это уникальное положение, которое не было предложено Комиссией международного права, а появилось на Конференции, продиктовано намерением сконцентрировать юрисдикцию в отношении таких споров в рамках единого органа во избежание фрагментации *jus cogens* из-за конкурирующих юрисдикций. «Пакетное решение» (A/CONF.39/ L.47/Rev.1), содержащее, в частности, юрисдикционную оговорку, принятую на пленарном заседании 61 голосом против 20 при 26 воздержавшихся, тем не менее была одобрена только благодаря большому авторитету руководителя делегации Нигерии на Конференции и Председателя ее Комитета полного состава Таслима О. Элиаса (впоследствии судьи и Председателя Международного Суда), который стал вдохновителем принятия этого решения. Пакетное решение также включало в себя заявление, предлагающее Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций рассмотреть вопрос о том, чтобы пригласить на основании статьи 81 Венской конвенции государства, не являющиеся членами Организации Объединенных Наций, специализированных учреждений или участниками Статута Международного Суда, стать участниками Конвенции, с тем чтобы обеспечить самое широкое участие. Это заявление свидетельствовало о попытке учета мнения социалистических государств, которые тогда пытались добиться допуска на международные конференции и в состав участников многосторонних договоров (тогдашней) Германской Демократической Республики и безуспешно пытались сделать это на протяжении всей Венской конференции, поскольку против этого выступала Федеративная Республика Германия при поддержке Запада. Хотя попытка включить формулу, предусматривающую универсальное участие в Конвенции, успехом не увенчалась и социалистические государства также голосовали против пакетного решения, поскольку они выступали против его другой части, т.е. юрисдикционной оговорки, заявление могло, тем не менее, позволять им

воздерживаться от голосования против принятия Конвенции в целом и, таким образом, обеспечить убедительное большинство (многие воздержавшиеся государства в промежуточный период присоединились к Венской конвенции, и в их число вошла Российская Федерация 29 апреля 1986 года).

Однако, как можно было ожидать, статья 66, или по меньшей мере ее подпункт (а), стали предметом оговорок, главным образом со стороны (бывших) социалистических государств, некоторые из которых впоследствии были сняты. Другие государства выступили против таких оговорок и исключили в порядке реакции применение статей Конвенции, которые были неразрывно связаны с юрисдикционной оговоркой (например, положения в части V, с которыми связаны процедурные положения), в отношениях между ними и сформулировавшими оговорки государствами. Поэтому определение применимых положений и надлежащей юрисдикции в том или ином релевантном деле может быть довольно сложным, и следует отметить, что до настоящего времени на рассмотрение Международного Суда не представлялся какой-либо договор, который предположительно вступал бы в противоречие с одной из императивных норм международного права.

Влияние этого документа на последующее развитие событий

Венская конвенция о праве международных договоров действует с 27 января 1980 года, и ее сторонами являются 108 государств (по состоянию на 15 декабря 2008 года). Международный Суд в нескольких делах ссылаясь на нее, не касаясь при этом вопроса о том, являются ли тяжущие стороны участниками Конвенции. В решении по делу о *проекте Габчиково-Надьмарош* Суд отметил следующее: «[Суд] должен учитывать тот только факт, что он несколько раз имел возможность отмечать, что некоторые нормы, изложенные в Конвенции, могут рассматриваться как результат кодификации современного обычного права» (*I.C.J. Reports 1997*, p. 38, para. 46). Заключение Суда, вместе с относительно большим числом участников Конвенции, дает основание предполагать, что этот документ отражает современные нормы общего международного права в области международных договоров. Это также подтверждается тем фактом, что его материально-правовые положения были консенсусом внесены в Венскую конвенцию 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями.

Соответствующие материалы

А. Судебная практика

International Court of Justice, *Reservations to the Convention on Genocide, Advisory Opinion: I.C.J. Reports 1951*, p. 15.

International Court of Justice, *Arbitral Award of 31 July 1989 (Guinea-Bissau v. Senegal), Judgment, I.C.J. Reports 1991*, p. 53.

International Court of Justice, *The Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997*, p. 7.

В. Документы

Доклад Комиссии международного права о работе ее первой сессии, 12 апреля 1949 года (A/CN.4/12 и Corr.1–3, воспроизводится в *Yearbook of the International Law Commission, 1949*, vol. I, Part One, Chapter II).

Доклад Комиссии международного права о работе ее восемнадцатой сессии, 4 мая — 19 июля 1966 года (A/CN.4/191, воспроизводится в *Yearbook of the International Law Commission, 1966*, vol. I, Part One, Chapter II).

Резолюция 2166 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 5 декабря 1966 года (Международная конференция полномочных представителей по праву договоров).

Гана, Берег Слоновой Кости, Кения, Кувейт, Ливан, Марокко, Нигерия, Судан, Тунис и Объединенная Республика Танзания: проект заявления, в котором предлагается новая статья и проект резолюции (A/CONF.39/L.47/Rev.1, воспроизводится в *United Nations Conference on the Law of Treaties, First and second sessions*, Vienna, 26 March — 24 May 1968 and 9 April — 22 May 1969, Official Records, Documents of the Conference, p. 272).

С. Доктрина

A. Aust, *Modern Treaty Law and Practice*, Cambridge, Cambridge University Press, 2000.

E. Castrén, “La Convention de Vienne sur le droit des traités”, in: R. Marcic *et al.* (eds.), *Internationale Festschrift für Alfred Verdross zum 80. Geburtstag*, München/Salzburg, Wilhelm Fink Verlag, 1971, pp. 71–83.

T.O. Elias, *The Modern Law of Treaties*, New York, Oceana-Sijthoff, 1974.

A. McNair, *Law of Treaties*, 2nd ed., Oxford, Clarendon Press, 1961.

P. Reuter, *La Convention de Vienne du 23 mai 1969 sur le droit des traités*, Paris, Armand Collin, 1970.

P. Reuter, *Introduction au droit des traités*, Paris, Armand Collin, 1972 ; réédition Presses Universitaires de France 1985.

S. Rosenne, *The Law of treaties*, Leyden, Sijthoff, 1970.

I. Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2nd ed. Manchester, Manchester University Press, 1984.

E. Vierdag, “The International Court of Justice and the Law of Treaties”, in: V. Lowe & M. Fitzmaurice (eds.), *Fifty Years of the International Court of Justice*, 1996, pp. 145–196.

M.E. Villiger, *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*, Netherlands, Martinus Nijhoff Publishers, 2009.

R.G. Wetzel & D. Rauschning, *The Vienna Convention on the Law of Treaties. Travaux Préparatoires*, Frankfurt am Main, Alfred Metzner Verlag, 1978.